

Наталья Азарова (Москва)

Анализ многоязычия поэтического текста как метод реконструкции субъекта¹

Если попытаться определить (вернее, недоопределить) субъект в современной поэзии для удобства говорения о нем, то, видимо, мы имеем в виду поэтический субъект, который возникает во время чтения конкретного стихотворения, с одной стороны, и не существует за его пределами, а с другой стороны, в конструировании которого поэт принимает активное участие, что позволяет исследователю реконструировать следы этого участия. Такое понимание субъекта отражено в новом учебнике «Поэзия».²

Можно всецело согласиться с утверждением профессора Х. Шталь, что имеющиеся модели для определения лирики и субъекта как основного ее признака сталкиваются с той проблемой, что они преимущественно созданы на основе не современного, а более традиционного материала, и часто связаны со специальными теориями.³

Ставя себе задачу обновить теорию субъекта так, чтобы она могла стать основой описания субъекта новейшей поэзии, необходимо задаться вопросом о поисках формальных языковых параметров кроме традиционного анализа местоименной структуры поэтического текста, являющегося чуть ли не единственным принятым способом лингвистического анализа субъекта со времен знаменитой статьи Винокура о местоименной поэтике Баратынского, написанной еще в 40-е гг. прошлого века.⁴

Этот формальный показатель должен быть не произвольно выбранным, а релевантным для текстов новейшей поэзии последних тридцати лет. Таким параметром является полилингвизм текста, который может проявляться как в иноязычных инкрустациях, так и в оставленных следах в одном из языков, в поэтическом билингвизме авторов и в различных семиотических переходах на искусственные языки, графические символы и т.д.

Мы выдвигаем тезис, что межъязыковое взаимодействие как в любых вариантах полилингвизма текста, так и в варианте поэтического билингвизма автора всегда соотносится с категорией субъекта.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 15-24-06003 «Типология субъекта в русской поэзии 1990-2010-х гг.»).

² Азарова / Корчагин / Кузьмин / Плунгян и др. (2016).

³ Шталь (2015, с. 162).

⁴ Винокур (1990).

Отдельная и очень актуальная проблема для современной поэзии – это субъект переводного текста и способы его реконструкции: насколько в новейшей поэзии в ее формате *Nachdichtung* можно по переводам реконструировать наличие субъекта, соотносимого с материей языка перевода и языка оригинала. Или предположить, что скорее всего именно сопоставление оригинала и перевода может быть методом реконструкции субъекта и в том и в другом случае. Отдельный случай, когда субъект реконструируется на основании признания стратегии «неперевода» в мультязыковых текстах.

Очевидными подступами к анализу субъекта в современной поэзии являются возможность реконструкции субъекта через разнообразные локусы, через выявление идентичности и *чужой речи*, интерречи и различных соотношений и градаций своего / чужого / присвоенного в речи, которые, так или иначе, могут свидетельствовать о расщепленности / скрытости / неявленности и т.д. субъекта.

Анализ межъязыкового взаимодействия может продуктивно соотноситься с этими параметрами. Он так или иначе:

- позволяет реконструировать субъект через пространство;
- дает возможность проблематизировать идентичность или выявить скользящую идентичность современного субъекта;
- соотносится со всем спектром проблем, связанных с *чужой речью*.

Необходимо уточнить, что речь идет не о построении однозначных моделей наличия / отсутствия межъязыкового взаимодействия и описания их функций, а об анализе межъязыкового взаимодействия отдельного текста, или отдельного автора, или группы авторов как одного из инструментов реконструкции субъекта. Но в любом случае реконструкция субъекта связана с проблемой понимания (интерпретации) и предполагает не упрощение, а создание некоторой параллельной тексту структуры, не «развертывание сложенного самолетика в чистый лист бумаги», а «развертывание бутона в цветок».

В известной работе С. Жижика «Щекотливый субъект» дается остроумная классификация методов академической борьбы с картезианским субъектом. Приведем ее полностью [выделение жирным шрифтом мое – Н.А.]:

Введение. Призрак бродит по западной Академии [...]

[...] призрак картезианского субъекта. Все академические силы объединились для священной травли этого призрака: **(1) нью-эйджевый обскурантист** (который хочет заменить «картезианскую парадигму» **новым холистским подходом**) и **(2) постмодернистский де-конструктивист** (для которого картезианский субъект является дискурсивным вымыслом, эффектом децентрированных текстуальных механизмов); **(3) хабермасовский теоретик коммуникации** (настаивающий на переходе от картезианской монологической субъективности к **дискурсивной** intersубъективности) и **(4) хайдеггерианский сторонник мышления бытия** (подчеркивающий **необходимость «преодоления» горизонта современной субъективности**, наивысшим воплощением которой служит нынешний разрушительный нигилизм); **(5) когнитивный ученый** (пытающийся эмпирически доказать, что никакой

уникальной сцены самости не существует, а есть только столпотворение соперничающих сил) и (6) **глубинный эколог** (обвиняющий картезианский механицистский материализм в том, что он предоставил философское основание для безжалостной эксплуатации природы); (7) **критический (пост)марксист** (настаивающий на том, что иллюзорная свобода буржуазного мыслящего субъекта укоренена в классовом делении) и (8) **феминистка** (которая замечает, что **якобы бесполое cogito** — это на самом деле мужское патриархальное образование).

Где та академическая ориентация, которую ее противники не **ославили бы еще** недостаточно преодоленным **картезианским наследием**?⁵

Можно было бы расклассифицировать современную поэзию по способам противостояния картезианскому субъекту, предложенным Жижekom.

В частности, можно посмотреть, как в зависимости от способов устранения (расщепления) или размывания субъекта работает межъязыковое взаимодействие, а наряду с ним – междискурсивное взаимодействие и семиотические переходы. В этом случае основной была бы дискурсивно-коммуникативная парадигма, выдвижение на первый план межъязыкового взаимодействия как варианта *чужой речи*, интерречи и т.д. или когнитивная критика, представляющая межъязыковое взаимодействие как некие заданные ситуативные клише.

Мария Фаликман отмечает, что у европейца и у восточного человека (прежде всего, китайца) разные когнитивные рамки восприятия информации в тексте, в том числе и визуальные.⁶ В когнитивной науке информацию делят на фигуру и фон. Европейец видит гораздо четче фигуру (главное), и для него смазывается фон, который имеет второстепенное значение. А вот китаец, восточный человек, видит фон (периферию) и воспринимает эту информацию почти так же отчетливо, как и фигуру. В этом смысле восточное видение сродни женскому. У женщин более развито боковое, разнонаправленное, многопараметровое зрение. Отсюда и разное понимание субъекта. Если взять все подходы Жижекa по критике и восстановлению субъекта, то все равно прослеживается европейская модель «расщепленность vs. целостность» (холизм, тоталитарность). В то же время, возможно, в последнее десятилетие мы можем подходить к субъекту, не обязательно собирая многопараметровость (в данном случае многоязычие) в единый конструкт, а с другой стороны, не обязательно настаивая на принципиальной невозможности этого собирания. Субъекта можно рассматривать, таким образом, в сосуществовании фона (периферии) и фигуры.

Оговорим одну важную общую закономерность поэзии XXI века (может быть, в 90-е гг. это не совсем так): если в тексте появляется одна инкрустация на каком-либо языке, то она, как правило, не бывает единичной, при-

⁵ Жижек (2014, с. 23).

⁶ Фаликман / Коул (2014). См. также Kitayama / Duffy / Kawamura / Larsen (2003); Nisbett / Peng / Choi / Norenzayan (2001).

чем последующие инкрустации с большой долей вероятности будут на других языках. Приведем пример максимальной формализации этой закономерности на коротком отрезке текста.

Пробуждение со словами
„Völkommen till Microsoft“, – единственным,
что не нуждается в переводе.⁷

Далее мы приведем самое предварительное описание возможных моделей соотношения многоязычия или субъективации:

1) Межъязыковое взаимодействие как манифестация идентичности, таким образом субъективация мыслится через идентичность, и многоязычные инкрустации подразумеваются как «свои», а не чужие, предлагают определенный круг адресатов и приписывают себя этому кругу.

Noblesse oblige. Старик совсем облез.
Чуть что – прыг-скок – и убегает в лес
Сидеть на пне, гудеть-бубнить ab ovo:
Разве мальчик в Останкине летом... И прочее...
То забывая слово,
То вспоминая...⁸

В стихотворении Дмитрия Веденяпина иноязычные вставки, входящие в тезаурус «обязательной образованности» интеллигента еще советского времени, работают на ностальгическую идентификацию субъекта в постсоветском пространстве.

Такая модель работает в основном как субкультурная идентификация.

Модель мультикультурализма, спроецированная на субъект, подразумевает обязательную принадлежность, приписывание себя к некоему кружку, меньшинству. В этом случае иноязычные инкрустации должны функционировать как способ не столько выявления идентичности субъекта, сколько подчеркивания самим субъектом своей идентичности. Английский язык в этом случае характеризует субъекта через коммуникативную модель – при адресации некоторой целевой и возрастной аудитории, знающей определенные цитаты или термины именно в английском варианте. Это, в основном, названия кинофильмов, музыкальных групп, песен, альбомов и т.д.

/reggae/

Когда взойдет великая Луна,
Мы позабудем наши имена,
И ша-ла-ла, и прочие дела,
Та-там, та-там.
То здесь, то там. Я собираю вещи, comin' thru the nite.
Я собираю вещи, comin' thru the nite.
В небе звездочка горит, сам с собою говорит.

⁷ Скидан (2016, с. 152).

⁸ Веденяпин (2009).

– Человек ли ты? – Конечно же, nicht и нует;
 Здесь ни одна собака не застит свет,
 Здесь вдоль обочин земля, трава и цветы,
 Я со своим народом, ты со мною на «ты».
 Рэггей – как надоела эта земля!
 Чужая земля, где нет незаемных мелодий;
 Будь верховой или пеший – под утро сигналият костры,
 Соблюдают медленный шаг. Вот так.

Где же ты, где ты, где ты, родная страна,
 Где же ты, где ты, где ты, кому ты нужна;
 О, все, что нужно мне,
 Пускай его сгорает, сгорает на медленном огне.
 Пускай его сгорает, здесь и там, comin' thru the nite,
 Здесь и там, comin' thru the nite, waitin' occupate.⁹

2) Одним из важных способов реконструкции субъекта является субъективация в связи с разными типами и средствами передвижения (перемещения), нахождения в пространстве, что, в свою очередь, может быть описано не только традиционно используемыми дейктическими словами, а также изучением пространственной лексики, но и присутствием межъязыкового взаимодействия.

Пространственная (в смысле локуса, в смысле приписывания себя к определенному пространству или отделения себя от определенного пространства) или предметная субъективация. Многоязычие моделирует пространство.

Здесь возможно несколько вариантов. В первом пространство моделируется как чужое, экзотичное, «не свое».

Иноязычные инкрустации начинают выполнять декоративную функцию, призванную развлечь аудиторию либо туристическими цитациями (разнообразными названиями мест, предметов, одежды, еды и т.д., характерными речевыми штампами). Это проявляется в различного рода туристических иноязычных вставках, что, возможно, более характерно для поэзии 1990-х–2000-х гг. (и субъект нацелен на осваивание или присвоение чужого, предметного, многоязычия) – времени освоения Европы – и менее характерно для поэзии нашего десятилетия.

[...] Пить чай еще светло, а пить caffè
 уже темно. Что ль пожевать focaccia
 с vitello freddo?.. На такой строфе
 завязывать бы впору. Но пока что
 меня несет мой Pegaso [...] ¹⁰

Но возможно и гораздо более сложное и рефлексивное использование той же модели функционирования субъекта. Приведем стихотворение В. Ари-

⁹ Шостаковская (2000).

¹⁰ Строчков (2001, с. 53).

стова «1-го мая в Милане» и его комментариев к иноязычным вставкам, сделанный по моей просьбе.

Улица Anton Chekhov
незаметно свернув
выводит на белую между стен улицу Монтале

Sul muro graffiti

На улицах я был один,
Как Первомай этот –
Праздник труда (festa lavoro)
Транспорт стоит и метро на приколе

Я был один прямоходящий
на солнечных площадях
мимо пролетали в скорлупках корпускул
обтекаемых светом машинах,
но даже сдавленный шепот не доходил из них

[...]
сколько сделать еще протяжных шагов к месту,
откуда можно найти весь городской горизонт

В тот же день – я не знал – в этот миг
ты навсегда покидала Москву

[...]
Панорама с холма Милана
здесь не видна:
древо сухое на фоне зеркального банка

И намечают мороженое в кафельно-вафельный факел
у ипподрома galoppo.¹¹

В этом стихотворении несколько фактов появления «чужого слова» [...] Первомай в детстве ассоциировался с долгожданным и самым радостным праздником, можно вспомнить, что помимо множества песен и стихов, посвященных празднику, мы учили на уроке английского (вот еще одна «инословесная» ассоциация): „The first of May – The heart of spring“. Оказавшись утром первого мая на миланской окраине, я был поражен абсолютным безлюдьем (то есть за те полчаса, что я шел, я не встретил ни одного человека!), это походило на некий сон – при яркой солнечности – своей изнанкой далекой, но отчетливой многолюдности и шумности тех первомаев... так что все движение по пустому городу напоминало перестроение атомарных предметов [...] Появление некоторых значимых иноязычных слов – разнословесные уровни были важны, чтобы в каком-то смысле уравновесить визуализацию

¹¹ Аристов (2002, с. 41-42).

(для меня несомненную) [...] Следующая пара итальянских слов (в скобках) „festa lavoro“ – обозначает присутствие рефлексивного уровня, неподогнанного под правильность (словосочетание лишь приблизительно правильно, существительное употреблено без артикля). Здесь это элемент внутренней речи и упомянутое «иностранное» остранение подчеркивает наличие нескольких слоев сознания [...] „Galoppo“ воспринимается как что-то непонятно-очевидное... Иностранное слово здесь не только слышимо, но и зримо, оно отчетливо как очевидное иное бытие, и по сути не нуждается в переводе, поскольку обозначает элемент несомненного реального внешнего бытия [...]»¹²

Субъект этого стихотворения скорее «наблюдатель», который постоянно ищет точки опоры и подтверждения реальности видимого пространства. Он живет, вернее, медленно движется в мире атомарных предметов, и иноязычный текст приравнивается к этим атомарным предметам, а с другой стороны, иноязычные слова, как предметные, так и видоизмененные и интертекстуальные, взаимодействуют друг с другом, соединяя части разобщенной реальности, в которой литературная цитата оказывается более «своей», чем видимый мир. Так, „sul muro graffiti“ – это видоизмененная строчка из Монтале, которая в оригинале звучала как „sul muro graffito“.¹³

Отдельной темой, хотя и тесно связанной с предыдущими, в реконструкции субъекта современной поэзии может быть формирование концепта «чужой язык» как репрезентация опыта межкультурного взаимодействия, что может быть исследовано не только на непосредственно текстах, но и на опросах поэтов, что было мной осуществлено в статье.¹⁴

Второй вариант пространственной субъективации при помощи многоязычия предполагает ощущение чужого как своего, признание себя своим в чужом пространстве. Так, расцвет многоязычия в популярной культуре неожиданной концептуальностью звучит в цитировании в стихотворении Драгомощенко¹⁵ культовой «Касабланки», прецедентного текста XX века, по-английски („We’ll always have Paris“), сообщая о том, что субъект стихотворения живет или долго жил в Америке и смотрит американские фильмы не в русском переводе, а в оригинале.

Для субъекта, живущего в объектной глобалистской реальности, любая иноязычная вставка мыслится как апроприированная, что отчетливее всего формализовано в постконцептуализме, например, у Нугатова:

[...]
возможна ли поэзия после adobe®photoshop®
и adobe®illustrator®
поэзия после adobe®flash®
поэзия после autodesk®3ds max®

¹² Из ответов на опрос.

¹³ Montale (1925).

¹⁴ См. Азарова (2015а).

¹⁵ Драгомощенко (2012, с. 80).

поэзия после ipod®
 поэзия после bluetooth™
 поэзия после google™youtube™
 поэзия после blu-ray disc™
 поэзия после playstation®
 поэзия после dolby®digital surround® [...]¹⁶

3) Субъективация в «чужих голосах», что так или иначе соответствует либо критике субъекта с позиции постмодернистского конструктивизма, тогда межъязыковое взаимодействие выступает как текстовый механизм этой деконструкции, примером чего может служить поэзия А. Скидана, либо в хабермасовском варианте дискурсивной интерсубъективности, в котором межъязыковое взаимодействие может мыслиться как интерречь.

Для довольно большого круга современных поэтов, как явствует из высказывания В. Лехциера,

человеческая действительность – это действительность тотально речевая, хоровая, отчетливо не дифференцированная, не сегментированная тем или иным образом. Она предстает многоголосной сплошно-речевой, онтологически-гомогенной совокупностью речевых данностей, как стершихся, так и вполне живых.¹⁷

Отказ от идеи «внутренней речи» субъекта или заведомая апроприация чужого как собственного говорит о давлении на воображение в современной культуре, и, соответственно, о неспособности и нежелании формировать образ. Все делается для того, чтобы невозможно было вообразить «субъекта этого стиха», нарисовать картинку при непосредственном чтении. Но для исследователя существуют некоторые способы это сделать, при этом на вопрос, возможно ли говорить о субъекте вне политической ангажированности, мы должны ответить – очевидно, нет.

4) Нью-эйджевская парадигма и, соответственно, холистический подход к критике субъекта может находить прямое отражение в иноязычных инкрустациях, особенно когда речь идет о несуществующих языках.

Приведем характерную для своего времени цитату из письма Драгомощенко:

Даже разрушенные [...] даже несуществующие языки обещают изменения не только в том, что окружает, но и в тебе самом, в этот же миг, как бы он краток не был. Разве этого мало? чтобы обращаться к другим языкам или, на худой конец, их выдумывать?¹⁸

Этой модели может служить его же стихотворение «Изучая язык Nuku-tutaha». В тяге к подчеркнуто неиндоевропейскому звучанию, в декларации к пристрастию к звукам несуществующих языков ощущается и некоторый

¹⁶ Нугатов (2008, с. 58).

¹⁷ Лехциер (2015, с. 151).

¹⁸ Драгомощенко (из письма).

«экологический привкус» эпохи „new age“ 90-х гг. Провозглашается вкус к разрушенным и несуществующим языкам, и многоязычие ставит знак равенства между изменениями в том, что окружает поэта, и изменениями в самом субъекте.

Птица полетит
 Мальчик идет атрибутируя полет
 Ты купаешься, птица полетит в полете
 Над мальчиком у которого все времена
 Сразу когда он купается входит в то
 Что вчера было темное в свете звезд
 Перед тем как погрузиться в воду
 Он идет осененный крылом Бертрана Рассела
 В сонме разбитой прибрежной воды
 Он видел другого мальчика
 Ne kitia he tama, kua kitia podsolnukh
 Видишь к поверхности идут пузыри
 Радужная оболочка песка искоса
 Мальчик увидит его – to kitia a ia
 Он бросил собаку что неожиданно
 Собака ест птицу следовательно
 Она парит в воздухе kua kai he kuli emanu
 Ты съешь собаку без перевода
 Пуля покидает тело сворачивается время
 Птица видит мальчика собака летит –
 Человек смертен искусство огромно¹⁹

5) Иноязычные вставки как модель множественной субъективации. Вопрос: происходит это лишь внутри текста или мыслится как некоторая референция? В выделении множественной субъективации как отдельной модели есть некоторое нарушение таксономии. О множественной субъективации можно говорить не только как об отдельной модели. Она так или иначе появляется в тех текстах, где функционируют и другие модели.

У Драгомощенко иноязычные вставки – это намеренно созданные препятствия, и они отбрасывают к началу строки или к началу текста.

В этом смысле даже хорошо, чтобы иноязычный текст был непонятным или малопонятным. Зримый образ иностранного слова затрудняет читателю буквальное понимание даже «простых» русских слов, сообщая о том, что на самом деле свои слова не менее непонятные, и мы вряд ли знаем их «значения».

При множественной субъективации утверждается реальное или воображаемое родство языков, позволяющее субъекту балансировать между языками, или не укореняясь прочно ни в одном из них, или создавая пространство возможного неустойчивого выхода при обязательном возвращении в первый язык. Из письма К. Корчагина:

¹⁹ Драгомощенко (2009).

Я очень часто использую материал чужих языков и для меня это может быть главное средство ввести в текст искусственное о(т)странение, а последнее в свою очередь нужно для того, чтобы прерывистый и расщепленный субъект моих текстов не смог ни в коем случае собрать себя; это дополнительные препятствия для такой «сборки», неустойчивости окружающего пространства, которое в то же время оказывается единым, хотя бы за счет наплывающих друг на друга языков. Однако единым вне субъекта – он словно вытолкнут из этой общности, т.к. все-таки привязан к одному языку, а с другими соотносится постольку, поскольку.²⁰

Важным способом конструирования субъекта при помощи межъязыкового взаимодействия является хеджирование – обнаружение себя в той области, о которой хочется молчать, в том числе сакральной.

Иностраный язык, который всегда говорит и не говорит, понятен и не понятен одновременно может быть эффективным способом вербализации молчания. В стихотворении Айги «Заря: в перерывах сна» это *небытие*, точнее *не-есть*, *ничто голоса* дано по-французски *néant de voix*.

где есмь как золотую пыль –
как обрамление красное приснившееся книги:
„néant de voix“ –
от сердца высоко во сне над ним висящее –
о так сжигают есмь:
и жизнь – как некою его: умершею! –
она – разрозненную красною
как в плаче перерывы
мои теперь со сна! –
и лишь сознание где-то сплавом ангельским
над тенью здесь затерянной –
иное
далеко²¹

В поэтике Айги отрицательное богословие (апофатика) предопределяет переход к иноязычной инкрустации: название стихотворения «Запись: аrophatic» можно воспринимать как своеобразную формулу перехода на другой язык. Любопытно, что слово „арорфатик“, записанное латиницей, в сознании читателя прямо не ассоциируется ни с одним иностранным языком: хотя формально „арорфатик“ в такой орфографии, как у Айги, – это английское слово, совершенно неочевидно, что поэт здесь имел в виду английский язык. Скорее всего, это некое слово, которое будучи понятным, относится ко всем языкам и ни к одному конкретно, а с другой стороны, написание латиницей позволяет достичь необходимой степени остранения.

Надъязыковая латиница слова „арорфатик“ здесь выступает как способ кодирования запретной в разных смыслах как социальной, так и сакральной субъективации.²²

²⁰ Письмо от 13/11/2011.

²¹ Айги (1992, с. 96).

Смешение языков (code-switching) часто используется билингвами в практике хеджирования, то есть де-интенсификации табуированной информации или подачи ее в размытом, неопределенном виде, в виде „sort of“ («вроде»).

Но хеджирование используется не только билингвами.

КВА?

Elle est retrouvée.

Quoi? L'éternité.

Rimbaud

*

Вот и «вечность», вот и «ква».

И чего там? Ничего там,

и чему ни скажешь «хва!»,

знай, болтайся по болотам [...]»²³

б) Межъязыковое взаимодействие как отражение утопии, либо идеального языка, при этом может признаваться невозможность его построения как системы, что в той или иной степени соответствует хайдеггеровской «мечте о языке». Но и признанию относительной возможности коммуникации.

По Хайдеггеру, подлинной проблемой является технологический способ отношения ко всему, что нас окружает.²⁴ Подобный субъект не только ощущает классическое противоречие между подлинным бытием в мире и *das Man*, но и пытается совместить, казалось бы, несовместимые выходы из этого противоречия – в решительную экзистенциальность с одной стороны, и в традицию метафизической онтологии, вплоть до теологии – с другой. Как здесь работает многоязычие?

Выбираются так называемые «двуязычные» слова, например, «роза» („Rose“), которые возвещают преодоление границы языков и возможность одновременного присутствия в разных языках и между ними.

В пантеистической поэтике Айги субъект растворяется в среднем роде и неличных формах нейтрализации как гендерной оппозиции, так и оппозиции «одушевленное / неодушевленное»; нейтрализуется частеречная принадлежность, и на первый план выступает визуальная информация, благодаря чему текст частично иконизируется. Возникает приоритет зрительного восприятия, и слово отрывается от конкретной языковой принадлежности. Это характерный для Айги прием, когда слово, превращаясь в иероглиф, парит между языками, как бы не относится ни к одному национальному языку. В таком иконизированном тексте, обеспечивающем абсолютную переводимость через нейтрализацию категорий, возникает возможность восприятия

²² Подробнее об этом см. Азарова (2016).

²³ Булатовский (2008).

²⁴ Включая язык, что прежде всего актуально для Айги, и исследования субъекта, что сегодня актуально для нас.

иностранный текст (иностранный слог) без перевода. Для него первостепенен звуковой образ чужого слова и чужого языка, и его визуальный образ.

Для билингва Айги характерна принципиальная легкость введения третьего языка и легкость обращения с чужими языками.

Переход поэта-билингва к другим языкам, которых всегда больше, чем два, совершается по-другому, чем у поэта-монолингва. Если в поэзии монолингвов (Владимира Аристов, Аркадия Драгомощенко и др.) обращение к многоязычию ведет к изменению самого субъекта и того, что его окружает (или обещает эти изменения), а переход с языка на язык увеличивает не только многозначность слов, но и «многозначность субъекта», то у Айги множественной субъективации себя в связи с другим языком не происходит.

Если монолингв мыслит себя в другом языке, другого себя, то для билингва другие языки могут быть мостом в надъязык, а субъективация предполагает утопию надъязыка, отражающего довавилонский прото-гул.²⁵

Субъект Айги живет в мире, с одной стороны, сконструированном как современный ему хайдеггеровский конечный исторический горизонт размыкания бытия, а с другой стороны, в мире, который антропоцентричен, но еще не субъективен, то есть досовременен, и универсальный язык (надъязык) тоже может мыслиться в дизъюнктивном синтезе этих двух представлений о мире.

7) В поэзии Драгомощенко множественная субъективация и мечта о надъязыке удивительным образом сочетаются, что является особенно актуальным и продуктивным для поэзии 2010-х гг.

Сегодня речь идет о возвращении субъекта в поэзию, то есть о возвращении Я в поэзию, но Я, значительно отличающегося от принятого в мета-текстах XX века.

Поэты действуют в рамках тенденции преодоления ограниченности одного языка при помощи межъязыкового взаимодействия, в том числе путем преодоления диктата родной языковой картины мира, мифа о самодостаточности одного национального языка.

У Драгомощенко механизм, запущенный одной иноязычной инкрустацией, приводит к выстраиванию особого пространства, в котором опорными точками служат «куски» других языков, и отнюдь не обязательно европейских.

Иноязычные инкрустации и межъязыковые переходы у Драгомощенко, как и у целого ряда более молодых поэтов, – это не эксперимент, они не вызывают возражения и не кажутся каламбуром, т.е. игрой на столкновении

---

²⁵ «Ловушкой, которой необходимо избежать здесь, является ускорение онтологизации этой „речи-в-себе“ [...] как если бы эта „речь avant la lettre“ действительно существовала как другой, более фундаментальный и полностью конституированный язык, сводящий нормальный, „явный“ язык к его вторичному поверхностному отражению [...] эта другая проторечь остается виртуальной» (Жижек 2014, с. 91).

значений. В этой антикаламбурности и отсутствии противопоставления языков – принципиальное отличие от традиции «макаронического стиха».²⁶

Или уподобясь червю, приползти

По извилистому описанию розы, оставляя в итоге:

из rose is –

лишь только is...²⁷

Образ идеального языка у Драгомощенко все-таки возникает и выстраивается вместо, казалось бы, изначально заявленной борьбы с правилами языка. Это идеальный язык, в котором, с одной стороны, любое соотношение знака и значения подвергается сомнению, а с другой – коммуникация все же возможна, и коммуникация эта может быть межъязыковой и надъязыковой.

Множественная субъективация оказывается возможной в пространствах, создаваемых интерференцией, вторжением, наложением языков.

Субъект Ники Скандиаки живет в пространстве не только межъязыковых, но и семиотических переходов, в частности, на языке программирования:

[...] systemic contamination

contained? yams, yams.

hurts (and?) yams. [roadside monk]

impressive: сенсорная [афазия], контактно-усталостный [износ]

тяжеловесная женская доля, / - - / -, / - - /

?мерцающее молоко

очередь / выстрел из огнемета / шквал огня

мерцающее устройство

(flickering device) [...]²⁸

В поэзии Ники Скандиаки мы видим возврат к утопии универсального языка как сложнопростроенного семиотического феномена (из отрывков и обрывков), но в отличие от Айги и даже Драгомощенко, здесь нет даже намерения превращения подобного языка в систему. Это вербализация и невербализация одновременно. Это сохранение межъязыкового взаимодействия в рамках дискурсивной практики, проецирующей на мечту об универсальном языке.

Мне бы хотелось завершить статью замечанием о том, что в некоторых случаях мы говорим о субъекте, в некоторых случаях о поэтическом субъекте, скользящем субъекте, скользящей идентичности, не проводя строгих

²⁶ Ср. из стихотворения Д. Веденяпина:

Après nous le déluge

маркиза де Помпадур

Зачем нам, товарищ начальник,

Вся эта унылая чушь?

Ведь даже у бабы-на-чайник

В глазах: после нас хоть déluge. [...] (Веденяпин 2015).

²⁷ Драгомощенко (2012, с. 181).

²⁸ Скандиака (2006).

дефиниций между этими терминами (даже образ автора или концепт автора оказывается порой не лишним), но при этом непоследовательность и некоторая избыточность нашего понятийного аппарата как раз подтверждает то, что наша мысль – это не просто академическая логическая игра, она способна соотноситься с действительной сложностью современной реальности субъективации.

Литература

- Азарова, Н. (2015a): Формирование концепта «чужой язык» как репрезентация опыта межкультурного взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 4 (45), 2015. 23-29.
- Азарова, Н. (2015b): Межъязыковое взаимодействие в поэзии Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 131 (1), 2015. <http://www.nlobooks.ru/node/5847> (18/10/2015).
- Азарова, Н. (2016): Многоязычие Айги и языки-посредники // Russian Literature. 79/80, 2016. 29-44.
- Азарова, Н. / Корчагин, К. / Кузьмин, Д. / Плунгян, В. и др. (2016): Поэзия: Учебник. М.
- Айги, Г. (1992): Стихи разных лет. М.
- Аристов, В. (2002): Иная река: Пятая книга стихов. М. / СПб.
- Булатовский, И. (2008): Ква? // Воздух. 1, 2008. <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2008-1/bulatovsky/> (18/10/2015).
- Веденяпин, Д. (2009): Одесса-63 // Воздух. 1-2, 2009. http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2009-1-2/vedenyapin/view_print/ (18/10/2015).
- Веденяпин, Д. (2015): *Après nous le déluge* // Флейта Европы. 1, 2006. <http://www.igraigr.com/vedenyapin.htm> (18/10/2015).
- Винокур, Г. (1990): Я и ты в лирике Баратынского (Из этюдов о русском поэтическом языке) // Винокур, Г.: Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М. 241-249, 357-362 (комментарии).
- Драгомощенко, А. (2009): Поскольку люблю скрип рам // Знамя. 8, 2009. <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/8/dra3.html> (18/10/2015).
- Драгомощенко, А. (2012): Тавтология: Стихотворения, эссе. М.
- Жижек, С. (2014): Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Шукиной. М.
- Лехциер, В. (2015): Поэзия в эпоху постметафизического мышления // Азарова, Н. / Бочавер, С. (сост., ред.): Поэтический и философский дискурсы: история взаимодействия и современное состояние: Сб. ст. М. 144-161.
- Нугатов, В. (2008): В обратную сторону // Воздух. 2, 2008. <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2008-2/nugatov/> (18/10/2015).
- Скандиака, Н. (2006): Немножко дней // Воздух. 1, 2006. <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2006-1/skandiaka/> (18/10/2015).
- Скидан, А. (2016) *Membra disjecta*. СПб.
- Строчков, В. (2001): Ворчливая ностальгиана // Журнал Клуба литературного перформанса и салона «Премьера». 51-56.

- Фаликман, М. / Коул, М. (2014): «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // *Культурно-историческая психология*. 10 (3), 2014. 4-18.
- Шостаковская, И. (2000): /reggae/ // *Вавилон: вестник молодой литературы*. 7 (23), 2000. М. <http://vavilon.ru/metatext/vavilon7/shostakovskaya.html> (18/10/2015).
- Шталь, Х. (2015): Опыт философского обоснования мета-теории поэтического субъекта: современное прочтение Генриха Барта // *Азарова, Н. / Бочавер, С. (сост., ред.): Поэтический и философский дискурсы: история взаимодействия и современное состояние: Сб. ст. М.* 162-181.
- Kitayama, S. / Duffy, S. / Kawamura, T. / Larsen, J. (2003): Perceiving an object and its context in different cultures: a cultural look at new look. In: *Psychological Science*. 14 (3), 2003. 201-206.
- Montale, E. (1925): Sul muro graffito. <http://www.la-poesia.it/poesie-del-900/eugenio-montale-sul-muro-graffito-1116-1.html> (18/10/2015).
- Nisbett, R. / Peng, K. / Choi, I. / Norenzayan, A. (2001): Culture and systems of thought: holistic versus analytic cognition. In: *Psychological Review*. 108 (2), 2001. 291-310.